

Марина и Евгений
Черносвитовы

Братья
и
Сестры

Евгений Черносвитов

Братья и Сёстры

«Издательские решения»

Черносвитов Е.

Братья и Сёстры / Е. Черносвитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504022-0

Синхронизация — одно из гениальных открытий Карла Юнга. Пока загадочное освобождение от времени и пространства земных событий. В этой книге синхронизированы три разных истории, в которых авторы видят единый смысл — какой? Откроет для себя читатель.

ISBN 978-5-00-504022-0

© Черносвитов Е.
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов от консультанта	6
Принц Гамлет	7
Вместо «Предисловия»	7
Глава 1. Гамлет, принц датский в сослагательном наклонении	9
§1. Состояние	10
§2. Персоналии	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Братья и Сёстры

Евгений Черносвитов
Марина Черносвитова

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Самойлова

© Евгений Черносвитов, 2019

© Марина Черносвитова, 2019

© Екатерина Александровна Самойлова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4022-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов от консультанта

Авторы на наш взгляд применили в книге прием, ловкий и раскрывающий наиболее полно великое произведение «*Гамлет, принц датский*». Прием, благодаря которому не просто показывается собственное видение авторов *вечной трагедии*. К примеру, как некоего *архетипа* жизни человека. А с весьма неожиданной стороны: со взгляда на принца Гамлета (и не только на него), как нашего современника! Этот прием авторы умело позаимствовали у самого Шекспира. Он всех главных героев трагедии показывает *весьма условно*: принца Гамлета, Офелию, Призрака, Клавдия, Лаэрта, Розенкранца и Гильденстерна и даже могильщиков. Этот прием можно обозначить, как «*слова, слова, слов...*», дающие простор для любой мысли. ***To put in the word***, – английская поговорка, точно оспаривается Шекспиром в «Гамлете...». Есть некие «голые» формы словословия: *обыденная речь* (например, между принцем Гамлетом и его «друзьями» Розенкранцем и Гильденстерном); *явный «бред» (бред на яву)*, во многих разговорах принца, когда он имитирует сумасшествие; «*прибаутки и песенки*», действительно сошедшей с ума Офелии, как прелюдия к самоубийству. И даже два знаменитых монолога принца — «*Быть или не быть?*» и «*Бедняга Йорик!*»

Если быть внимательным в прочтении «Гамлета, принца датского», то очень скоро начнешь понимать, что *данный ключ* внесен в трагедию Призраком и подхвачен актерами, которых пригласил принц Гамлет.

Этот шекспировский прием для *зашифровки на все века смысла истинной трагедии человеческого бытия*. «Гамлет, принц датский», вызывает у нас ассоциации с русским..., нет точного слова (sic!): *в сказке ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок!*

Авторы, которые увидели в принце Гамлете нашего современника, вероятно, также руководствовались не констатацией фактов, и не психоанализом, который должен бы привести читателя к катарсису (кстати, наше мнение, что *катарсис – изжитая форма самосознания для нашего современника*). Авторы хотят преподнести читателю *урок!* Но и здесь, нужно оговориться: как понимать современное слово «урок». Это – не нравственный пример или упрек... *Нравственным примером, да еще из Шекспира, нашего современника не прошибешь!* Авторы это хорошо понимают! «Урок», как нам кажется, для авторов сродни «урокам» из «Очерков бурсы» Николая Герасимовича Помяловского. *Розги!* Или как у Василия Макаровича Шукшина – «*медвытрезвитель*»: *а по утрам они проснулись!* Вдруг! Вот «катарсис» для нашего современника!..

Авторы много не берут на себя! Поэтому эта книга о наших современниках, хотя и заимствует у Шекспира девиз: *hic et ubique*, но – *говорит, и не заговаривается!* Во-первых, вместо «Предисловия», авторы предпосылают опусы известного поэта *Анатolia Яни* (специально написанные для этой книги), превосходного переводчика сонет Шекспира. А, во-вторых, сравнивают восприятие «*Гамлет, принц датский*»,... с восприятием *квадратов* Казимира Севериновича Малевича.

Но, если авторы не правы и, с точки зрения **кого-то** — «*много на себя берут*» то, этот **некто** — *пусть... выйдет и первым бросит камень!* И попадет в Шекспира!

P.S. Напомним, что Лев Николаевич Толстой имел внутренние основания считать, что сам Шекспир *много на себя берет...* (читай ниже)

Профессор Владимир Николаевич Прокудин.

Принц Гамлет

Вместо «Предисловия»

Опусы Анатолия Яни, советского, украинского поэта, посвященные Гамлету, принцу датскому

Опус 1.

*«Мне часто видится сквозь шум и гам лет,
Как с черепом ведёт беседу Гамлет.
Шекспира драма рвёт сердца на части.
Описывал поэт не пыль, а пыл.
«Пылинка зла уничтожает счастье», —
Сказал нам Гамлет. Он поэтом был».*

Опус 2.

*«...Какие сделать мне наброски?
Шекспир внушает уважение,
Как Пушкин, Гоголь и Островский.*

*Какие строки грубо ль, ласково
Улечься смогут на бумагу?
Что написать про принца датского?
О нём припомнить, может, сагу?*

*Я в детстве видел в виде витязя
Героя этого, как брата.
Мсти, милый Гамлет, за обиды все,
Нам причинённые когда-то!*

*Я пью за принца. Рюмка налита.
Пусть к счастью нас ведёт дорога!
Могу ли не любить я Гамлета —
Шута, безумца и пророка?*

*Он смотрит прямо в душу с отписка,
В нём дивной харизмы есть призма.
Он чужд натуре донкихотовской,
Носитель зла и эгоизма.*

*Чем смог привлечь нас принц, сражавшийся
За что? За жизнь? За смерть ли нашу?
Тем, что, безумцем притворявшийся,
Мстил за убитого папашу?*

*Я отношусь к нему, как к призраку,
Что надо мной парит эклогой.*

*Как будто бы гороха пригориню,
Рассыпал Гамлет монолог свой.*

*Пластичен Гамлет, как адажио.
Всё вывернуть смог наизнанку.
Откинув плащ свой, он поглаживал
Округлых мышц своих чеканку.*

*Как Гамлет, выйду ли на сцену я?
Портрет его пусть пишет Муза!
Масштаб раздумий – вся Вселенная.
Напомнил Гамлет Иисуса.*

*От мести Гамлет не откажется —
Болеет принц мой мести оспой.
Но к принцу этому, мне кажется,
Могу я обратиться с просьбой.*

*Из авторучки что мне выдавить
О том, кто с черепом беседует?
Какую рыбку-слово выловить?
О чём же написать мне следует?*

*О том, что разразится мести гром?
Смогу ль из мозга мысли вынуть?..»*

Глава 1. Гамлет, принц датский в сослагательном наклонении

«Однако и без лишней скованности, но во всем слушайте внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, с тою только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное – низости, и каждому веку истории – его неприкрашенный облик. Если тут перестараться или недоусердствовать, непосвященные будут смеяться, но знаток опечалится, а суд последнего, с вашего позволения, должен для вас перевешивать целый театр, полный первых. Мне попадались актеры, и среди них прославленные, и даже до небес, которые, не во гнев им будь сказано, голосом и манерами не были похожи ни на крещеных, ни на нехристей, ни на кого бы то ни было на свете. Они так двигались и завывали, что брало удивление, какой из поденщиков природы смастерил человека так неумело, – такими чудовищными выходили люди в их изображении... А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано. Некоторые доходят до того, что хохочут сами для увеселения худшей части публики в какой-нибудь момент, существенный для хода пьесы. Это недопустимо и показывает, какое дешевое самолюбие у таких шутников...»

(В. Шекспир. «Гамлет принц датский». Акт третий. Сцена вторая. Здесь и далее – перевод Бориса Пастернака)

«Шекспир берет очень недурную в своем роде старинную историю о том: *Avec quelle ruse Amleth qui depuis fut Roy de Dannemarch, vengea la mort de son pere Horwendille, occis par Fengon, son frere et autre occurence de son histoire* (С какой хитростью Гамлет, ставший впоследствии королем Дании, отомстил за смерть своего отца Хорвендилла, убитого его братом Фенгоном, и прочие обстоятельства этого повествования), или драму, написанную на эту тему лет 15 прежде его, и пишет на этот сюжет свою драму, вкладывая совершенно некстати (как это и всегда он делает) в уста главного действующего лица все свои, казавшиеся ему достойными внимания мысли. Вкладывая же в уста своего героя эти мысли: о бренности жизни (могильщик), о смерти (*to be or not to be* быть или не быть (англ.)), те самые, которые выражены у него в 66-м сонете (о театре, о женщинах), он нисколько не заботится о том, при каких условиях говорятся эти речи, и, естественно, выходит то, что лицо, высказывающее все эти мысли, делается фонографом Шекспира, лишается всякой характерности, и поступки и речи его не согласуются.

В легенде личность Гамлета вполне понятна: он возмущен делом дяди и матери, хочет отомстить им, но боится, чтобы дядя не убил его так же, как отца, и для этого притворяется сумасшедшим, желая выждать и высмотреть все, что делается при дворе. Дядя же и мать, боясь его, хотят допытаться, притворяется ли он, или точно сумасшедший, и подсылают ему девушку, которую он любил. Он выдерживает характер, потом видится один на один с матерью, убивает подслушивающего придворного и обличает мать. Потом его отправляют в Англию. Он подменивает письма и, возвратившись из Англии, мстит своим врагам, сжигая их всех.

Все это понятно и вытекает из характера и положения Гамлета. Но Шекспир, вставляя в уста Гамлета те речи, которые ему хочется высказать, и заставляя его совершать поступки, которые нужны автору для приготовления эффектных сцен, уничтожает все то, что составляет характер Гамлета легенды. Гамлет во все продолжение драмы делает не то, что ему может хотеться, а то, что нужно автору: то ужасается перед тенью отца, то начинает подтрунивать над ней, называя его кротом, то любит Офелию, то дразнит её

и т. п. Нет никакой возможности найти какое-либо объяснение поступкам и речам Гамлета и потому никакой возможности приписать ему какой бы то ни было характер.

Но так как признается, что гениальный Шекспир не может написать ничего плохого, то ученые люди все силы своего ума направляют на то, чтобы найти необычайные красоты в том, что составляет очевидный, режущий глаза, в особенности резко выразившийся в Гамлете, недостаток, состоящий в том, что у главного лица нет никакого характера. И вот глубокомысленные критики объявляют, что в этой драме в лице Гамлета выражен необыкновенно сильно совершенно новый и глубокий характер, состоящий именно в том, что у лица этого нет характера и что в этом-то отсутствии характера и состоит гениальность создания глубокомысленного характера. И, решив это, ученые критики пишут тома за томами, так что восхваления и разъяснения величия и важности изображения характера человека, не имеющего характера, составляют громадные библиотеки. Правда, некоторые из критиков иногда робко высказывают мысль о том, что есть что-то странное в этом лице, что Гамлет есть неразъяснимая загадка, но никто не решается сказать того, что царь голый, что ясно как день, что Шекспир не сумел, да и не хотел придать никакого характера Гамлету и не понимал даже, что это нужно. И ученые критики продолжают исследовать и восхвалять это загадочное произведение, напоминая знаменитый камень с надписью, найденный Пиквиком у порога фермера и разделивший мир ученых на два враждебных лагеря».

(Лев Николаевич Толстой «О Шекспире и о драме» (критический очерк))

§1. Состояние

«Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намереньем. Тогда это дело тройное. Одно – я его сделал, другое – привел в исполнение, третье – совершил».

В каком «состоянии» мы находим датское королевство? То есть, **социального** Гамлета, принца? Между двух «огней»! И каких? Англии и Норвегии. Первая, некогда покоренная Данией, ведет себя, как ее вассал. Но, это не перманентное состояние. И при первой возможности Англия его изменит. Бахвалится король Клавдий: *«И если Англия, мою любовь Ты ценишь так, как я заставить в силе – А твой рубец от датского меча Еще горит и ты благоговейно Нам платишь дань, – не думай обойти Прямую букву моего приказа, Которым тайно Гамлета тебе Я в руки отдаю на убиенье. Исполни это, Англия! Как жар Горячки, он в крови моей клокочет Избавь меня от этого огня. Пока он жив, нет жизни для меня».* Кстати, отсылая кронпринца Гамлета в страну, которая спит и видит свое освобождение от Дании с бумагой, в которой король Дании подписывает принцу смертный приговор – не есть поступок, во-первых, разумный, а, во-вторых, государственный. Так как я пишу о принце Гамлете, в котором вижу нашего современника, позволю себе такое вольнодумство: представим на миг, что сейчас, накануне выборов Президента России, в «Англию» какой ни будь большой правительственный чин послал бы Ходорковского на казнь. У Ходорковского сразу бы появились, на мой взгляд (далекий, увы, от политических интриг), реальный шанс стать президентом. Но я – отошла в сторону. Да и зря! Книга увидит свет, наверняка, не раньше, чем мы узнаем имя нового Президента России.

Норвегия, недавно проигравшая войну с Данией, всюю готовится к реваншу. Гамлет старший убил короля Норвегии Фортинбраса и присоединил к Дании норвежские земли. Формально Норвегией правит старый, но мудрый брат Фортинбраса. Он едва сдерживает племянника, младшего Фортинбраса от похода на Данию, поворачивая полк жаждущего боевых действий племянника, Фортинбраса младшего на Польшу. Почему? Легко догадаться! Зачем воевать, кровь проливать со страной, которая разваливается сама, по своим внутренним причи-

нам: «Какая-то в державе датской гниль». Это говорит Марцелл, один из офицеров, увидевших первыми призрак Гамлета старшего. Странно. Но, в отличие от своего сверстника и соперника Гамлета, принца датского, Фортинбрас не мучается от желания отомстить датчанам за отца!

А что за «гниль» в Датском королевстве? Неужели все дело в том, что королева так быстро вышла замуж за своего родственника? То, что брат заменил покойного брата на троне в таких обстоятельствах – вполне нормально и правильно! Что же касается его женитьбе на королеве, оставляя в стороне такое положение вещей, как любовь королевы к брату мужа (вполне вероятно, что она вышла за Гамлета не по любви!), двоевластие в государстве, которому грозят с двух сторон войной, а внутри бунтом, вполне логично. В Дании тем не менее все идет к развалу:

*«Король не спит и пляшет до упаду,
И пьет и бразжничает до утра,
И чуть осилит новый кубок с рейнским,
Об этом сообщает гром литавр, как о победе...
Такие кутежи, расславленные на восток и запад,
Покрыли нас стыдом в чужих краях,
Там наша кличка – пьяницы и свиньи...»*

(Акт I, сцена 4).

С новым королем явно что-то не то! То он вздыхает: «*О, как тяжело!*» То падает на колени, ибо его «*душа в тревоге и утрачена*» Чем душа утрачена короля Дании? Как наивно думать, что разоблачением его, как убийцы брата! Кто и перед кем его может разоблачить? Безумный племянник? Перед чернью? Когда Фортинбрас готовился к войне и собирал отряд, Гамлет, принц, еще до встречи с призраком отца, устроенной ему двумя молодыми офицерами и лучшим другом Горацио, который, когда с Данией было покончено, поторопился заявить: «*Я не датчанин – римлянин скорей*», был не в себе. Он думал о самоубийстве, и боялся убить себя: «*Моя же скорбь чуждается прикрас И их не выставляет напоказ*». Монолог «*Быть или не быть? Вот в чем вопрос!*» – это не монолог наследного принца! Все причины «не быть», наследного принца просто не касаются! Это разговор, так, в пользу бедных, если не больная философия. Вернее, философия больного. А суть этой философии в монологах на кладбище, раньше – в рассуждениях после убийства Полония: «*Можно вытащить рыбу на червяка, пообедавшего королем, и пообедать рыбой, которая проглотила этого червяка*». «*Стоило ли давать этим костям воспитание, чтобы потом играть ими в бабки?*» «*Пред кем весь мир лежал в пыли, Торчит затычком в щели*». Нет, такое умонастроение – вещь врожденная. В случае Гамлета, принца датского, отнюдь не имеет никакого отношения к, весьма проблематичному, скажем, забегая вперед, коварному убийству его отца. Представим на миг противоборство двух племянников, отцы которых были убиты: Гамлета и Фортинбраса? Не как истеричных дуэлянтов, а как полководцев на поле брани?

§2. Персоналии

Сначала, конечно, Горацио! Кто он? Самый близкий к Гамлету, принцу и его доверенный, собиравшийся умереть вместе с другом, человек? Не подданный Дании. Откуда и зачем он появился из теплой Италии в весьма прохладную страну? Каким образом он втиснулся в такую близость, запредельную для самых интимных человеческих отношений, если верить знатоку таких дел, Анне Ахматовой? Вспомним, не помешает: «*Есть в близости людей заветная черта. Ее не перейти...*» А Горацио перешел. И, нужно полагать, после развала Дании (да еще какого – читай впереди!) *ушел*... И каким образом он одним из первых узнал от моло-

дых датских офицеров Марцелла и Бернардо (тоже, кстати, носящих отнюдь не датские имена, а скорее римские), о Призраке бывшего короля Гамлета и увидел его вместе с ними во время стражи форпостов Дании? Что же касается молодых офицеров, у нас нет никаких свидетельств подозревать их в шпионаже или даже заговоре против Дании. Но то, что они никак не могут быть довольны, что тратят свою молодость и сердца пыл на... гниль, очевидно! Им бы в войско Фортинбраса! И хотя бы на Польшу. Горацио, думается, «ключ» к пониманию психо-трагедии Гамлета, принца датского. Возможно, он порождение бессознательного автора, пораженного, как и все, думающие умы того времени, времени великого Ренессанса, подготовленного более великим Проторенессансом! А именно – творения Николо Макиавелли «Государь». В сравнении с образом, проторенессансного Государя ренессанский принц Гамлет – и есть призрак. Дальше мы покажем, почему и какое это отношение имеет к нашей современности. Мы, ведь, набрасываем штрихи к портрету нашего современника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.